

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

133

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 133

TRIMESTRIEL

I — 1981

САВЛЫ, НЕ СТАВШИЕ ПАВЛАМИ

(Опыт посюстороннего христианства Достоевского)

Отец Паисий: «Если (церковь) « не от мира сего», то, стало быть, и не может быть на земле её вовсе».

Ф. М. Достоевский
Полное собрание сочинений, XIV, стр. 57.

Идеи не делают искусства, но и неотделимы от него. Русские мыслители, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, творчески продумывали и осваивали идеи Достоевского, а после них мало что существенного было сказано о его философии. Правда, кое-что верно подмечалось, например, в истолковании Достоевского как экзистенциального философа, но настоящего диалога или полилога с ним не ведется, или очень редко, как в книге католического философа Романо Гуардини.

Литературоведы иногда (не часто) учитывают идейное наследие Достоевского, но «роскоши» творческой беседы с ним и с кем бы то ни было они избегают. Ими, несомненно, немало было сделано для изучения Достоевского-художника, но после М. М. Бахтина, кажется, никому не удалось охватить его искусство в целом, а не только отдельные приемы.

Никакого нового «слова» сказать о Достоевском не стремлюсь. Но в этом наброске хочу лишь напомнить о его главных верованиях, воззрениях, которые полностью прояснить нельзя. Если слово «гений» имеет смысл, то гений тот мыслитель или художник, который нас привлекает, мучит и остается не вполне разгаданным не только для других, но и для самого себя.

На камне веры Достоевского начертаны слова, вложенные им в уста Шатова: «...не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, а не с истинной»:¹

Следовательно, высшая реалья Достоевского — не идеи (а у него были и идеи!), а живая личность Богочеловека.

Исходя из Христа воскресшего, Достоевский утверждал по-стороннее христианство, а не потустороннее, как это часто делалось. Он разочаровался в учении Фурье. Позднее в русских социалистах и революционерах он увидел бесов, но все потустороннее (метафизическое) его мало занимало. Правда, Достоевский говорил, что без веры в личное бессмертие жизнь лишается смысла и что нет нравственности без воскресения: здесь есть отрицание автономной морали в учении Канта. Но о том, что там, он мало задумывался. Достоевский не мистик, как и его праведники — старцы. Да, Алёша Карамазов в экстазе целовал землю, но, по желанию старца Зосимы, не остался в монастыре жить созерцательной жизнью, а ушел в мир.

Можно полагать: в жизни Федор Михайлович не боялся смерти (как Толстой, Леонтьев или Розанов) и, как верно, хотя и не очень вразумительно, писал Иннокентий Анненский, вопрос о смерти был для него чем-то второстепенным и не стал «основным моментом» его творчества.² Не слишком ли это парадоксально? Так, Достоевский «перебил» добрую половину населения в романе «Бесы», но ужасающую физиологию смерти не показывал, за немногими лишь исключениями. Это, например, худые синие ноги господина Прохарчина, торчащие кверху, как два сучка обгоревшего дерева.³ Ужасен и неподвижный кончик обнаженной ноги убитой Настасьи Филипповны.⁴ Или смутивший Алёшу Карамазова провонявший труп усопшего старца Зосимы (но это искушение Алёша преодолел, повторяю, когда с упоением целовал землю). По-настоящему, телом и душой, умирают герои Толстого — князь Андрей Болконский, Николай Левин или Иван Ильич (правда, увидевший какой-то просвет в самый последний момент агонии). А всегда спешащие, весьма разговорчивые и не работающие герои Достоевского продолжают свои безумные разговоры до конца жизни. В его романах явлено трагическое, но есть в них и упоительное перпетуум мобиле бытия. Это не значит, что у изображаемого Достоевским человека нет плоти, но у него, прежде всего, есть душа, одержимая и плотскими и духовными страстями. Отсюда не бессмертие, в внесмертие его героев.

Достоевский, отказавшись от безбожного социализма, стремился создать христианский эквивалент его. Это лучше всего сформулировал отец Паисий: «Государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более». И добавил: это не коммунизм, а единое во Христе.⁵ Но здесь только теократическая утопия или схема. Нельзя себе

представить, чтобы Достоевский одобрил современную теократию в Иране... Существенно же то, что герои-идеи Достоевского страстно хотели что-то сделать на земле — или благое, или злое.

Вера Достоевского прошла через «горнило сомнений». Имею в виду не столько его самого (о себе, в противоположность Толстому, он мало писал), а его героев. Князь Мышкин, странник Макар, епископ Тихон, отец Паисий, старец Зосима, как будто и Алёша Карамазов (о нем речь ниже) в своей вере не сомневались. Но, по общему впечатлению, его полностью верующие герои художественно менее убедительны и не динамичны по сравнению с маловерными, полуверами и неверующими. В князе Мышкине больше жизни, но он только слабый и, следовательно, неистинный «Христос», который никого не умудрил и окончательно сошел с ума в эпилоге романа.

Неуспокоенные трагические герои Достоевского страстно хотели верить. Фанатик Шигалев слепо верил в свою «шигалевщину», правда, без энтузиазма, тупо. Но, несомненно, энтузиастом был Петр Верховенский. Он карикатурен (у него язык рептилии), но чем-то человечен, и верил в Ставрогина — Ивана Царевича революции. Даже (не высшее ли это для него романтическое неприличие?) поцеловал ему руку. Есть бесовское и в Смердякове. Казалось бы, этот пошлый мещанин любит только деньги, удобства. Но и он верил в своего, тоже чем-то сказочного для него, барина — Ивана Карамазова. А когда в нем разочаровался — отдал ему награбленные деньги и повесился. Здесь есть настоящий трагизм, и это лжеверие как-то очеловечивает лакея Смердякова. А за бортом живой жизни (хотя бы и бесовской!) остаются только неисправимые пошляки Достоевского вроде Лужина, Ракитина или, классом повыше, Карамазова, Миусова.

От своего бесовства отказался горячий Иван Шатов, который верил в русский народ Божий, но так и не успел поверить в Бога, а «отец» бесов, прохладный Степан Трофимович Верховенский, эстет-болтун, но и энтузиаст, перед смертью поверил в действительного Бога...

Кириллов остается в бесовском сонме, но в нем мало бесовства: он благороден, отзывчив, щедр, по-рыцарски мужествен. Христа он любил не меньше, чем Шатов и сам Достоевский. Но Кириллов не верил в Его воскресение: «...законы природы не пожалели и э т о г о, даже чудо свое же не пожалели...».⁶ Ему захотелось стать человекобогом не потому, что он так уж стремился проявить своеволие и доказать свое человекобожество, а

потому, что любимый им Христос не воскрес. Наконец, ему верилось, что после своевольного истребления самого себя человек переменится физически,⁷ время погаснет в уме, и всё это должно произойти здесь, на земле. Его человекобожество, отвергавшее Богочеловечество, остается посюсторонней верой.

Кириллов своего рода Савл. Христа он не гнал, а любил, но отверг, и поэтому не мог превратиться в Павла. Он же сомневающийся Фома Неверный. Но как обогатил бы он христианство, если бы обратился, поверил и стал бы Павлом. Кто знает: не больше бы он значил в христианстве, чем все успокоенные и не знавшие сомнений оптинские старцы.

У Достоевского немало других Савлов с чертами Фомы. Первый из них — Раскольников. Для него характерна — гордыня, осложненная сомнениями в самом себе, но не в Боге, о котором он впервые задумался под влиянием Сони, и как будто понял: своим двойным убийством он распял Христа. В Сибири Раскольников почти смирился, но повесть о нем обрывается, правда, с обещанием ее продолжить.

Студент Ипполит (в «Идиоте») спорит с Богом, в которого будто бы верит, но, допуская Его существование, он осуждает Его за жестокость. Но как хотел поверить этот умирающий энтузиаст, тянувшийся к слабому «Христу», князю Мышкину, и не суждено было ему стать Павлом.

Версилов — барин-эстет, обаятельный и болтливый «бабий пророк». Но Достоевский не без сочувствия пересказывает его золотой сон о счастливом, хотя и безбожном, смертном человечестве. Скрытый в нем демон заставил его разбить икону, мешавшую его страсти к Ахмаковой. Это поступок Савла, но в Дамаск Версилов не поедет: он будет только мирно доживать свою бурную жизнь в семейном кругу. Но не стремился ли Подросток найти в своем блудном отце именно Павла?

«Бесы». Знаю многих читателей (включая самого себя), для которых Ставрогин остается обаятельным. Бердяев (не в книге о Достоевском, а в более ранней статье в «Русской Мысли») утверждал: как выиграло бы христианство, если бы поверил такой человек, как Ставрогин, т. е. стал бы Павлом. Недаром ведь его имя происходит от греческого слова **ставрос** (крест). А отцу Сергию Булгакову казалось: если бы Ставрогин занимался живописью, то стал бы он Пикассо до Пикассо — мастером бесчеловечного и безбожного искусства.⁸ Но явно Ставрогину не хватало стимулов для любого творчества. Правда, он раздавал

идеи Шатову и Кириллову, но сверхчеловеческая энергия, растрачиваемая им во зло, его утомила, иссякла и привела к самоистреблению. А как сам Достоевский лелеял замысел о покаянии великого грешника, как стремился обратить Савлов в Павлов и развернуть их деятельность в земной жизни.

Сам он еще в юности был влюблен в демонического барина-петрашевца, Н. А. Спешнева. Вероятно, кое-что увлекало его и в Ставрогине: иначе он был бы лишен обаяния для читателей... Но не хватило у него сил обратить Ставрогина. Даже раскаявшегося Шатова ему не удалось раскрыть в жизни. Достоевский их обоих «убил». К тому же, обращение этих и многих других героев Достоевского было неосуществимо из-за отсутствия соответствующего материала в эпохе. Может быть, и он сам не преодолел в себе и Савла, и Фому. Достоевский ездил в Оптину пустынь, беседовал со старцем Амвросием, который был одним из прототипов старца Зосимы. Он почитал оптинских старцев за их монашескую созерцательность, за наставления мирянам, но не этого он ждал от христианства. Хотелось ему здешний мир перевернуть, как и социалистам, но с Божией помощью, с верой в любимого Христа. Это активное христианство Достоевского, которое ненавидевший его Константин Леонтьев называл утопическим («розовым»), мерещилось ему добела раскаленным, и его всегда вдохновляло. Да и сам Леонтьев, апологет «черного» христианства, не удовлетворялся мудростью оптинских старцев. Ему, пессимисту и детерминисту (в истории), хотелось найти деятельных посясторонних христиан, создающих православные ордена и проповедующих Бога впавшему в безбожие образованному обществу.⁹ Как это ни странно, столь разные писатели, как Достоевский и Леонтьев, в своем миссионерском рвении сродни католикам, но с этим они, конечно, никогда не согласились бы...

Братья Карамазовы. Иван — рационалистичен, расчетлив. У него меньше витальности, чем у его распутного отца, чем у других двух братьев, а по сравнению со своим присным — Смердяковым — он трус, не осознавший свою ответственность за убийство Федора Павловича. В споре с Богом, которого Иван только допускает (без веры), он только повторяет, но с большим блеском, аргументацию другого студента — Ипполита, и возвращает жестокому Богу свой билет. Иван чем-то родственен выдуманному им и им же как будто разоблаченному Великому Инквизитору с его лжехристианской церковью. Здесь же отмечу: по верному замечанию Бердяева Великий Инквизитор чем-то похож на

«великого социалиста» Шигалева.¹⁰ Правда, есть и разница: Иван заставил своего Инквизитора отпустить Христа, чего бы не сделали ни Шигалев, ни Петр Верховенский.

Явно: социализм мог возникнуть только в западно-христианском мире... Но, по незнанию, Достоевский свёл католичество к властному папизму и жестокой инквизиции. Он забыл о мирных, необлеченных властью католических миссионерах: будь то кроткий и чистый сердцем Франциск Ассизский и его братья, героический апостол Азии — Франциск-Ксаверий, или апостол Рима — радостный Филипп Нерийский, который как-то вырвал обреченную жертву у инквизиции.

Философия Ивана — гениальная, но сам он духовно да и душевно слаб. Иван — интеллект. У Мити — эмоция энтузиаста, вдохновенно читающего шиллеровский гимн «К радости». В его путаной эротике видятся ему равно прекрасные идеалы Мадонны и Содома. Но Митя явно обратился, когда ему приснилось страдающее «дитё». Он скорее, чем Раскольников, найдет Христа на сибирской каторге. Но **Братья Карамазовы** дописаны не были, и этот темпераментный Савл не успел стать Павлом. А мог бы быть деятельным и, несомненно, посюсторонним христианином.

Алёша — ангел во плоти, и во плоти не бесстрастной. Его чуть было не соблазнила Грушенька, севшая ему на колени, и он жених Лизы Хохлаковой. Его сомнения не разъедали и он не был способен кого бы то ни было гнать. Старец Зосима послал его в мир, что едва ли бы сделал оптинский старец Амвросий. Он стал мальчишеским пророком. Но его христианский Тугенбунд не реализовался. Если верить А. С. Суворину, Достоевский сказал ему: «Он (Алёша) искал бы правду и в этих поисках естественно стал бы революционером».¹¹ И его казнили бы за совершенное им политическое преступление... Это, конечно, только предположение, но правдоподобное. Значит: и для Алёши Достоевский не находил, не мог найти в своей эпохе материал для лелеемого им действительного посюстороннего христианства Каны Галилейской и Воскресения Христова. Итак, земное христианство Достоевского не удалось. Всё же, он пламенно верил, что оно может удалиться, и именно в России.

Достоевский оказал огромное влияние на русскую литературу. Забытый в наши дни критик А. Закржевский (хотя и недостаточно основательно) отметил его влияние на символистов — поэтов и прозаиков.¹² На Западе скольким был ему обязан Альбер Камю, которого иногда называют русским романистом, писав-

шим по-французски. Достоевский один из самых читаемых авторов в западном мире.

Бунин презрительно говорил: Достоевский совал Христа в свои бульварные романы... и мог бы добавить: также и в детективные...¹³ Но это-то и нравилось его многочисленным, но часто поверхностным подражателям и поклонникам на Западе. Таких, как Камю, было мало. У него заимствовали преимущественно приемы, русскую экзотику, но самой сути его не понимали (сомнений, совести, веры).

Наиболее плодотворно было духовное воздействие Достоевского на т. н. новое религиозное сознание или светское богословие начиная с Религиозно-Философских собраний в 1901-1902 гг. Очень по-разному, и с неодинаковым успехом, посюстороннее христианство утверждали Мережковский, Бердяев, Булгаков или талантливый, но себя почти не проявивший, Тернавцев. Правда, некоторые, например, Бердяев, видели в Достоевском преимущественно апокалиптика, а сам Достоевский хотел быть строителем христианского общества здесь, на земле. Ему хотелось активно бороться с бесами революции и одолеть их до пришествия Антихриста. Не был он апокалиптиком, как не был и мистиком, хотя и всегда ощущал связь с мирами иными.

Назовем и Розанова, который вышел из мира Достоевского и был отчасти сродни добровольным шутам Лебедеву и даже Лебядкину. Розанов гениальный угадчик своей эпохи и человеческой души, и в самой своей сущности совсем не шут, а задумчивый странник (по верному замечанию Зинаиды Гиппиус¹⁴). Для Розанова мир прогорк во Христе, в Его будто бы исключительно монашеской религии. Деятельную посюстороннюю религию, основанную на крепких семейных началах, на «святом» сексе, он находил в Ветхом Завете. Он не знал или знать не хотел, что есть посюстороннее христианство — хотя бы в учении Иринея Лионского и Афанасия Великого о теосисе — обожении мира. Розанов, как и Достоевский, не заметил или не понимал Послания апостола Павла к римлянам (VIII, 19-21): «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения Сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих». Какое здесь открывается великое земное попрание. Но, увы, обожение космоса во славу Божию до сих пор остается нераскрытым. Наконец, Розанов иногда готов был признать во Христе Утешителя, Спасителя, но не ведал Пас-

хальной радости, ибо не верил в Воскресение Христово. Не был он слеп к религии, заметил о. Георгий Флоровский, но был слеп в религии,¹⁵ и остался Савлом и Фомой Неверным. Такова была судьба этого посмертного героя Достоевского.

Закалили ли нас или только озлобили и утомили пережитые нами войны и революции кончающегося Двадцатого Века? Всё же, Достоевский, как и Федоров с его воскрешением земного христианства вместо воскресения, остается вдохновителем земного христианского дела. Динамические и в своей динамике бессмертные или смертоупорные герои Достоевского не вымерли, но найдутся ли среди них Савлы, ставшие Павлами, и уверовавшие Фомы Неверные?

Упомянем здесь о так называемом социальном христианстве, намеченном лет полтораста тому назад французским священником Ламенне. Очень активны т. н. современные богословы освобождения в Латинской Америке (Гутиеррес и др.). Кое-кто видит в Христе социального реформатора, будто бы даже отчасти совпадающего с Марксом! Некоторые священники даже участвуют в революционной «герилье». Может быть, революция соблазнит какого-нибудь колумбийского или чилийского Алёшу Карамазова... Но Христос социальным реформатором не был, как не был и слугой Кесаря, которому возвращал Кесарево (налоги). Но историческое христианство часто подчинялось Кесарю, а теперь, впадая в другую крайность, солидаризируется с революционными бесами, которые, если верить Суворину, могли соблазнить и Алёшу Карамазова.

Христос взял на себя грехи мира, Христос воскрес, но не спас нас в истории, в мире. Христиане сами должны найти пути к спасению и к участию в Божием хозяйстве.

Бог дал человеку свободу, что, истолковывая Достоевского, всегда подчеркивал Бердяев. В жизни никакой другой религии не было такого злоупотребления свободой, как в христианской. Именно в христианском мире родилось и так распространилось безбожие (начиная с XVIII века). Ни в иудаизме, ни в магометанстве или буддизме не появлялось такое множество всякой нечисти, как в христианстве. Обитатели христианского мира доводят зло до предельной жестокости, до кошмарного абсурда. Надеемся — не иссякнут силы духовного сопротивления — силы новые и не подорванные, а умудренные страданием. Так думал и верил Достоевский, чуждый леонтьевскому пессимизму. Он апостол по-стороннего христианства Каны Галилейской и Пасхальной за-

утрени. Вопреки всем предчувствуемым и сбывшимся катастрофам, он пророк, взывающий к еще необращенному Савлу и еще не поверившему Фоме. Какое-то влияние оказал на него утопический социализм (Фурье), но он разоблачил революционных бесов и некоторых из них — самых ревностных — старался подвести ко Христу (Кириллова, Шатова) или напоследок искусить бесовством.

Достоевский — великий художник, создатель романов-трагедий (как утверждал Вячеслав Иванов) или романов-поэм, как он иногда сам их называл. Он до сих пор увлекает миллионы читателей.

Достоевский — замечательный мастер слова или слога — комического в языке добровольных шутов, трагического в монологах бунтарей, или траги-комического в полилогах своих скандалящих героев. Но, как и Толстой, он ценил не свое искусство, а — проповедь. В этом смысле был он диалектиком, но не теплым, а одаренным пророческим глаголом, жгущим сердца.

Чего хотел Достоевский?

Достоевский искал, находил или старался найти точку опоры в ином мире, но не для того только, чтобы спасти душу в Царствии Небесном, а для того, чтобы, опираясь на Христа в жизни, — обратиться ко Христу этот мир и создать Церковь, которая поглотила бы государство.

Скажут — это теократическая утопия... Нет, это пророческое указание — историческая задача, которая полностью не будет реализована. Человек будет ошибаться до скончания веков, и все-таки он должен стремиться к высшим добровольно избранным целям.

22 июля 1980 г.

Амхёрст, Массачусетс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. М. Достоевский, *Полн. собр. сочинений*, X (1974), 198. Почти то же самое Достоевский сказал в письме Н. Д. Фонвизиной (в феврале 1854 г., там же, XII (1975), 297.
2. Иннокентий Анненский. *Книга отражений* (переиздана в 1969 г.), 46-47.

3. Достоевский, там же, 1, 260.
  4. Там же, VIII, 503.
  5. Там же, XIV, 58.
  6. Там же, X, 471.
  7. Там же, 472.
  8. Отец Сергей Булгаков, *Тихие думы* (1918, переиздано YMCA-PRESS в 1976 г.), 38.
  9. К. Н. Леонтьев. Отец Климент Зедергольм (1882, переиздано YMCA-PRESS в 1976 г.), 105.
  10. Н. А. Бердяев. *Мировоззрение Достоевского* (переизд. YMCA-PRESS в 1968 г.), 201, 208-09.
  11. Цитирую дневник А. С. Суворина по статье А. А. Белкина «Братья Карамазовы...». *Творчество Достоевского* (1959 г.), 291.
  12. А. Закржевский. *Подполье* (1911 г.).
  13. И. А. Бунин. *Собрание сочинений*, т. IV (1966), 391 (в рассказе «Петлистые уши»).
  14. З. Н. Гиппиус. *Живые лица*. «Задумчивый странник» (1925 г., переизд. в 1971 г.), 9 и далее.
  15. Прот. Георгий Флоровский. *Пути русского богословия* (1937), 459.
-